

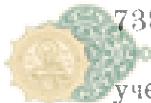
Професоръ Петръ Ивановичъ Линицкій († 12 іюня 1906-го года).

Софроній, архієп., митрополит.
Прокладає ар. Stob.

12-го іюня текущаго года, въ 10 ч. утра, скончался отъ рака въ печени, на шестьдесятъ седьмомъ году, отъ рожденія, заслуженный ординарный профессоръ Киевской Духовной Академіи, докторъ богословія, дѣйствительный статский советникъ, Петръ Ивановичъ Линицкій.

Внѣшняя сторона жизни покойнаго профессора не сложна, потому что его общественная дѣятельность въ теченіе сорока съ липкомъ лѣтъ, отъ школьнай скамьи и до могилы, всецѣло сосредоточивалась въ Академіи, и это—главная черта его вѣнчаніи біографіи, въ значительной степени характеризующая его цѣльную, послѣдовательную нагуру.

Сынъ священника Харьковской епархіи (род. 23 ноябр. 1839-го года), П. И. Линицкій получилъ образованіе въ Ахтырскомъ дух. училищѣ, Харьковской дух. семинаріи и Киевской дух. Академіи, которую окончилъ въ 1865 году съ званіемъ магистра богословія; въ томъ же году конференціей (?) Академіи избранъ и подлежащею властью утвержденъ въ должности преподавателя философскихъ наукъ въ родной Академіи; 13 января 1867 г. утвержденъ въ званіи баккалавра; 13 іюня 1869 года, на основаніи новаго академического устава, переименованъ въ доцента; 18-го мая 1871 г. утвержденъ, по избраніи, въ званіи экстраординарного профессора; 7-го января 1877 года, по представлениі и публичной защите диссертациі „Ученіе Платона о Божествѣ“,—въ

учепомъ званії доктора богословія; 30-го апрѣля того же года—въ званії ординарного профессора. До 1887-го года Петръ Ивановичъ занималъ въ Академіи каѳедру исторіи философії, а въ этомъ году (16-го авгуستа), согласно собственному желанію, иеремѣщенъ на каѳедру логики и метафизики; кромѣ того, въ разное время, за отсутствіемъ или болѣзни преподавателей, временно преподавалъ, по порученію Совѣта Академіи, логику (въ 187^{0/1} и 188^{6/7} ак. гг.), метафизику (въ 187^{1/2} и 187^{8/9} ак. гг.), педагогику (въ 187^{2/3} ак. г.) и патрологію (въ 187^{6/7} и 187^{7/8} ак. гг.). Съ 17 января 1897 г. и до кончины состоялъ членомъ академического Правленія. Почти одновременно съ преподавательской началась и научно-литературная дѣятельность почившаго профессора, продолжавшаяся непрерывно до самой кончины; смерть застала его за обработкою систематического курса философії, который, по замыслу автора, долженъ бы заключать въ себѣ итоги его продолжительной работы въ области философії.

Въ лицѣ Петра Ивановича философскую каѳедру въ Киевской Дух. Академіи въ теченіе сорока лѣтъ занималъ человѣкъ дѣйствительно съ философскимъ складомъ ума и характера. Непрерывная, напряженная, неутомимая работа мысли была основнымъ содержаніемъ его внутренней жизни, а изложеніе философії на академической каѳедрѣ и на страницахъ книги или журнала—главнымъ фактомъ его выѣшией біографіи, и если содержательную жизнь богато одаренного духовными силами человѣка можно сравнить съ поэмою или симфоніей, то *Leitmotiv'омъ* той съ виду скромной и монотонной, но внутренне сложной и разнообразной симфоніи, какую представляла собой жизнь покойнаго П—ра Ив—ча, было освѣщеніе всѣхъ элементовъ и проявлений жизни философской мыслью: онъ смотрѣлъ на вещи и явленія *sub specie aeternitatis*.

Существуетъ два типа писателей, будуть ли то поэты, критики, философы, различающіеся другъ отъ друга по характеру творчества: одни постоянно ищутъ, переходя въ своихъ исканіяхъ отъ одного возврѣнія или настроенія къ другому, нерѣдко противоположному (Бѣлинскій, Гротъ); другіе, остановившись на опредѣленной точкѣ зрѣнія, чюрою не безъ напряженыхъ усилій, затѣмъ уже не сходять съ нея во всей послѣдующей дѣятельности, направляя послѣднюю къ углубленію и разъясненію основного принципа, а также къ проведению его во всѣ сферы жизни и дѣятельности (Гончаровъ, кп. С. Трубецкой). Покойный Шетръ Ивановичъ принадлежалъ къ мыслителямъ второго типа: уже на студенческой скамьѣ онъ остановился на томъ философскомъ направлении (раціонализмъ), которому остался вѣренъ во всю послѣдующую жизнь. Выборъ направления былъ результатомъ напряженной работы собственной мысли, штавшейся изученіемъ сочиненій древнихъ и новыхъ философовъ (особенно Иллата и Аристотеля, Канта и немецкихъ идеалистовъ первой половины XIX вѣка). Непосредственное влияніе академического преподаванія въ этомъ отношеніи на Петруѣ Ив—чѣ не отразилось, но-первыхъ, потому, что, по складу своего ума, онъ не былъ склоненъ подчиняться вліянію окружающихъ: онъ былъ „одиодумъ“, а во-вторыхъ, и потому, что время обучения его въ Академіи было переходнымъ временемъ въ отношеніи къ преподаванію философіи: известный профессоръ П. Д. Юркевичъ въ серединѣ 185 $\frac{1}{2}$ ак. года перешелъ въ Московскій университетъ, такъ что П. Ив—чѣ слушалъ его всего одно полугодіе; а П. Г. Рублевскій, замѣнившій Юркевича, не могъ вліять на своихъ учениковъ опредѣляющимъ образомъ потому, что лишь въ январѣ 1862 года начиная преподавать философію; къ тому же онъ все время, по видимому, посматривалъ вонъ изъ Академіи, которую и покинувъ въ 1865 году, перешедши на службу по министерству Нар. Просв. (въ Варшавскій уч. округъ). Такимъ образомъ,

П. Ив. былъ въ области философії *автодѣлктос*. Насколько онъ овладѣлъ философіей въ теченіе академического курса, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать его курсовое сочиненіе о „различныхъ направленіяхъ немецкой философіи посль Гегеля въ отношеніи ея къ религії“, доставившее автору степень магистра богословія и впослѣдствіи, уже въ 1887 г., напечатанное авторомъ, съ нѣкоторыми дополненіями, въ журнале „Вѣра и Разумъ“ подъ псевдонимомъ *И. Петровъ*. Здѣсь разсматриваются возврѣнія Краузе, Шеллинга и правой стороны гегеліанской школы, представляющія собою опытъ примиренія теизма съ пантезизмомъ,—Штрауса, Фейербака и матеріалистовъ (атеизмъ) и представителей реалистического направленія въ послѣгегеліанской философії, Гербarta и Бенеке (деизмъ). Достаточно ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ, чтобы убѣдиться, что П. Ив. вступилъ на философскую каѳедру съ основательной подготовкой. Двадцатигодичное преподаваніе исторіи философіи, основанное на внимательномъ изученіи подлинныхъ сочиненій древнихъ и новыхъ философовъ (кромъ древнихъ языковъ П. Ив. чигалъ на трехъ новыхъ) и сопровождавшееся ознакомленіемъ съ современной философской литературой, сдѣлало П. Ив.—человѣкомъ хозяиномъ въ области философіи: не было философа, съ которымъ бы онъ не былъ знакомъ, и притомъ по головинамъ сочиненіямъ, самымъ основательнымъ образомъ. Когда, въ 1887 г., онъ перешелъ на каѳедру метафизики, то эта каѳедра нашла въ его лицѣ выдающагося представителя: мало того, что онъ былъ специалистомъ въ области философіи,—у него было собственное, строго опредѣленное и вполнѣ сложившееся, міросозерцаніе. И тѣмъ не менѣе двадцать лѣтъ преподаванія Петромъ Ив.—человѣку метафизики были непрерывныи трудомъ надъ дальнѣйшей обработкой своей системы. Это былъ замѣчательно добросовѣстный профессоръ, не знавшій отдыха до могилы. Каникулы для него не были отдыходомъ: во время каникулъ онъ обыкновенно приготовлялъ курсъ

для будущаго учебнаго года, начало котораго заставало П. Ив—ча уже съ готовымъ, отъ начала до конца написаннымъ его рукою, курсомъ. Проходилъ учебный годъ, наступали новыя каникулы, но для Петра Ив—ча опять не было отыха: онъ принимался, по указаніямъ опыта минувшаго года, за пересмотръ своего курса, который подвергался теперь болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. Иногда памѣчавшіяся измѣненія были настолько значительны, что П. Ив., отложивъ въ сторону прошлогоднюю редакцію курса, писалъ его заново отъ начала до конца, такъ что среди оставшихся послѣ его смерти рукописей находится нѣсколько редакцій курса логики и метафизики. Одна изъ этихъ редакцій напечатана въ 1901 году въ Кіевѣ подъ заглавиемъ: „Основные вопросы философіи“. Печатая эту книгу, П. Ив. склоненъ былъ смотрѣть на нее какъ на заключительный итогъ его работы въ области философіи, но неугомонная мысль не переставала работать: съ тѣхъ поръ курсъ былъ заново переписанъ не одинъ разъ, и смерть, какъ мы уже упоминали, застала неутомимаго труженика за новой переработкой курса, „на этотъ разъ уже окончательной“, прибавлять П. Ив. Собесѣдники отвѣчали улыбкой. Однако на этотъ разъ переработка дѣйствительно оказалась окончательной...

Можно бы думать, что чтеніе лекцій, послѣ тщательной каникулярной подготовки, не составляло дѣлъ П. Ив—ча никакого труда. На дѣлѣ былъ не такъ. Полагая въ основу своихъ чтеній курсъ, заготовленный въ теченіе каникулъ, П. Ив. внимательно обдумывалъ каждую отдельную лекцію и, послѣ тщательнаго приготовленія, излагалъ ее съ каѳедры живою рѣчью, иногда имѣя подъ рукою каротенъскій конспектъ лекцій. Ученники П. Ив—ча, безъ сомнѣнія, хорошо помнятъ манеру его изложенія—тихую, плавную, неторопливую, обдуманную рѣчь, которая производила такое впечатлѣніе, что здѣсь, на каѳедрѣ, передъ глазами слушателей, все еще продолжается работа мысли, начатая въ ученомъ кабинетѣ,

продолжавшаяся во время перехода отъ квартиры до академіи. Такъ и было на дѣлѣ. Оттого лекціи П. Ив-ча, которыя — слѣдуетъ прибавить — были яснѣ и живѣе его печатныхъ статей, дѣйствовали на мысль внимательныхъ слушателей возбуждающимъ образомъ, и они, думаемъ, никогда не забудутъ часовъ, проведенныхыхъ въ общеніи ихъ молодой мысли съ зрѣлою мыслью своего профессора философіи. Лекціи П. Ив-ча производили впечатлѣніе философской симфоніи, разыгрывавшейся на глазахъ у слушателя. Ученники какъ бы вводились въ философскую лабораторію профессора, которая была для нихъ живою школою умственного труда... И если Рубинштейнъ, говорять, вставалъ иногда въ изнеможеніи изъ-за рояля, на которомъ исполнялъ пьесу Листа или свою собственную, такъ и П. Ив. покидалъ аудиторію утомленнымъ напряженпою работою мысли. Но его собственнымъ словамъ, каждая лекція стоила ему большого умственного напряженія, и потому утомляла его. Когда, въ 1897-мъ году, въ своемъ рефератѣ о „ положеніи и нуждахъ нашего духовнаго, преимущественно высшаго, образованія“ (напечатанъ въ журналѣ „ Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., а также отдельными оттисками) П. И. говорилъ о „необходимости продолжительного отдыха постъ долговременнаго напряженного труда“, какъ такой потребности человѣка, служащаго дѣлу духовнаго просвѣщенія, объ удовлетвореніи которой необходимо подумать въ интересахъ огражденія служителей дух. просвѣщенія „отъ тягостныхъ случайносгей борьбы за существование“ (отд. оттискъ, стр. 25), онъ, безъ сомнѣнія, основывался на своемъ собственномъ опыте: самъ авторъ не былъ огражденъ отъ тягостныхъ случайностей борьбы за существование, и отдыхъ отъ напряженного труда нашелъ только въ могилѣ...

Принципы, на которыхъ построено міросозерцаніе Петра Ив-ча, раскрывавшееся въ его академическихъ лекціяхъ

и печатныхъ сочиненіяхъ, можно представать въ слѣдующемъ видѣ¹⁾.

Настойчиво подчеркивая раціоналистический характеръ своей философской системы, П. Ив. раскрываетъ входящія въ составъ ея понятія, постоянно имѣя въ виду противоположность двухъ основныхъ философскихъ направлений—раціонализма и эмпіризма, проходящую черезъ всю исторію философіи: сущность раціонализма выясняется черезъ противоположеніе ему эмпіризма.

„Эмпіризмъ признаетъ основнымъ началомъ познанія²⁾ чувственное восприятие, органами которого служать внѣшнія чувства, а также чувство внутреннее, и нераздѣльно соединенная съ ними способности: память и воображеніе. Что воспринято чувствомъ (ощущеніе или впечатлѣніе), чрезъ посредство памяти преобразуется и воспроизводится воображеніемъ въ видѣ представленія. Посему представление эмпіризмъ признаетъ основою элементарною формою познанія. Представленія, постепенно накапливаясь, образуютъ груши, такъ называемыя ассоціаціи. Чувственное восприятие, память и воображеніе составляютъ первичное, свойственное природѣ человѣка основаніе познанія. Напротивъ, языкъ есть свободное произведеніе человѣка, его изобрѣтеніе“. С образомъ съ сказаннымъ нужно различать „двойкаго рода формы познанія“: а) представленіе, какъ естественную, или психологическую, образуемую присущими природѣ человѣка психическими условіями, форму познанія, и б) свойственные

¹⁾ При характеристицѣ философскаго міросозерцанія Петра Ив.—ча пользуюмъ главнымъ образомъ его книгой „Основные вопросы философии“ (Киевъ, 1901 г.); соответствующія страницы указываются въ текстѣ.

²⁾ Основное начало познанія—это, „то, что служить первоначальнымъ, единичнѣмъ (т. е. тождественнымъ у всѣхъ субъектовъ познающихъ) и неизменнымъ, всегда имѣющимся во всякомъ познаніи основаніемъ его“ (31).

научному познанию словесно-логической формы, какъ формы познания искусственныя, произвольно созданныя человѣкомъ (31—32). Съ этой точки зрѣнія формальная сторона познанія неотдѣлма отъ его материальныхъ элементовъ (ощущеній): „ощущенія сами собою, чрезъ посредство памяти, преобразуются въ представленія и образуютъ ассоціаціи, а ассоціація представлений и есть“ простѣйшая „форма познанія“ (43), къ которой сводятся другія, болѣе сложныя формы. Такъ, сужденіе, съ точки зрѣнія эмпіризма, есть „ассоціація представлений, или—иначе—соединеніе терминовъ, обозначающихъ представленія, въ одну связную рѣчь, именуемую предложеніемъ“. То, что сообщаетъ сужденію—предложенію характеръ именно *познанія*, т. е. выраженія предмета, отличного отъ самихъ представлений, которыхъ, вѣдь, сами по себѣ суть наши субъективныя состоянія, подобно чувствованіямъ и желаніямъ,—короче: то, что сообщаетъ сужденію *объективный* характеръ, это, по Юну, есть вѣра въ реальность представлений, входящихъ въ составъ сужденій, которая, въ свою очередь, имѣеть свой источникъ „единственно въ живости, крѣпости и силѣ чувственныхъ воспріятій (срав. ощущеніе боли и воспоминаніе этого самого ощущенія)“ (42—44). „Въ формальной двойственности сужденія“ эмпіризмъ „усматриваетъ антропоморфизмъ“: „различая въ себѣ самомъ движущую силу“ (волю) „отъ ся обнаруженній“, человѣкъ то же различіе переносить и на всѣ вещи, уподобляя все мыслимое, или—что, съ эмпіристической точки зрѣнія, одно и то же—представляемое себѣ самому; отсюда двойственный составъ сужденія—субъектъ и предикатъ (46). Что касается *понятій*, то эмпіризмъ, признавая существо вѣщей непознаваемымъ, тѣмъ самымъ отрицаетъ понятіе, какъ особую форму мышленія; на мѣсто понятій полагаются имена (номинализмъ), обозначающія, впрочемъ, не единичное, а общее. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что

память——крѣпче удерживаетъ признаки, которые чаще повторяются при обозрѣніи вещей” (47—48).

Средствомъ для обоснованія сужденій служить умозаключеніе: умозаключеніе—это обоснованное сужденіе. Однако сужденіе, служащее основаніемъ для другого, въ свою очередь, нуждается въ обоснованії. „Восходя мысленно отъ одного основанія къ другому, мы наталкиваемся на вопросъ о первоначальномъ и всеобщемъ основаніи всякихъ суждений” (49). Эмпиризмъ такимъ основаніемъ признаетъ опытъ, въ связи съ чѣмъ „основнымъ, первоначальнымъ и нажалуй единственнымъ методомъ научаго изслѣдованія” считаетъ индукцію (49), сущность которой „состоитъ въ томъ, что „привычка постоянно находить——въ дѣйствительности одни явленія всегда въ одинаковомъ сочетаніи (отношеніе совмѣстности), другія——происходящими всегда въ томъ же порядкѣ (отношеніе послѣдовательности), внушаетъ намъ увѣренность, что и впередъ, на будущее время, продолжится неопределенное время тотъ же порядокъ вещей, что тѣ же синообразія въ отношеніяхъ вещей, какія доселѣ были, будутъ существовать и въ послѣдующее время” (50—51).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что познанію придается въ эмпиризмѣ характеръ психического или—точнѣе— психофизиологическаго процесса, который совершается самъ собою, подобно всякимъ инымъ отравленіямъ въ нашемъ организмѣ (52). О самостоятельномъ значеніи мышленія, какъ активной дѣятельности человѣческаго духа, съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи, равно какъ не можетъ быть рѣчи и о нормативномъ характерѣ законовъ мышленія: они замѣняются законами ассоціаціи. Съ эмпирической точки зрѣнія разумъ, въ сущности, не отличающейся отъ воображенія (182), есть созданіе опыта (184) и, какъ таковое, представляетъ лишь послѣдующее наслажденіе и образованіе въ нашей духовной организаціи (35). Значеніе мышленія сводится къ тому, что оно служить средствомъ „къ употребо-

ченію и систематизації готовыхъ знаній, добытыхъ путемъ опыта” (56), а также къ сообщенію этихъ знаній отъ одного лица къ другому. Развъ отрицается самостоятельное значеніе мышленія, и философія теряетъ свое самостоятельное значеніе: она отличается отъ наукъ специальныхъ (опытныхъ) лишь по объему, а не по содержанію и задачѣ: „чтб каждая специальная наука дѣлаетъ въ отношеніи къ изучаемымъ ею явленіямъ—систематизируетъ ихъ, обобщаетъ, сводитъ ихъ къ немногимъ общимъ законамъ,—ту же самую задачу выполняетъ философія въ отношеніи къ са-мимъ наукамъ, т. е. продолжаетъ далѣе ихъ дѣло: добытыя ими положенія сводятъ къ еще болѣе общимъ, и чрезъ то отдѣльные науки являются членами единой объединяющей ихъ системы” (57). Такой взглядъ на характеръ и значеніе философіи сводится, въ сущности, къ отрицанію ея, какъ самостоятельной науки. Да иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ устраняется идея безусловного: въ сущности, все философскіе вопросы сводятся къ вопросу о безусловномъ, и потому устраненіе идеи безусловного равносильно отрицанію философіи (178—180). Мало того, эмпиризмъ ведеть въ концѣ концовъ къ отрицанію самой науки, потому что ея обобщенія и выводы, сть эмпирической точки зрѣнія, не могутъ имѣть аподиктическаго значенія: это—приблизительныя обобщенія,—не больше. „Испо,—заключаетъ П. Ив. характеристику эмпиризма,— что эмпиризмъ, какъ направление, которое ведеть къ отрицанію не только философіи, но и науки въ высшемъ значеніи этого слова, недопустимъ въ философіи” (181).

Таковъ окончательный приговоръ Петра Ивановича надъ эмпиризмомъ.

Въ противоположность эмпиризму, раціонализмъ признаетъ разумъ коренной и самой существенной принадлежностью природы человѣка, а мышленіе—первичной и необходимой основой познанія (36). Познаніе постольку есть по-

знаніє, а не просто психическое переживаніе, поскольку оно понимается, какъ отношеніе познающаго къ бытію познаваемому (39), но то, что дѣлаетъ познаніе познаніемъ въ этомъ смыслѣ, заключается не въ психологическихъ условіяхъ познавательного процесса и не въ осуществлении его, а въ томъ значеніи, какое мы усвояемъ продуктомъ познавательного процесса, что, въ свою очередь, предполагаетъ ту или другую *оценку* этихъ продуктовъ (40). Оценка продуктовъ познавательного процесса не съ точки зрѣнія благополучія человѣка, а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія общей системы бытія, съ точки зрѣнія міроорядка, составленаго функцію мышленія, которая по существу есть дѣятельность оцѣнивающая (118, ср 138—139, 179): „различеніе существеннаго и важнѣйшаго отъ несущественнаго и второстепеннаго есть дѣло мышленія“ (179). Если же мышленіе есть дѣятельность оцѣнивающая, то должны быть, какъ нормы оценки, такъ и законы, опредѣляющіе правильное совершение мыслительного процесса: такою нормою служить идея истины, а законами такъ называемые законы мышленія. Въ основѣ идеи истины лежитъ присущее нашей природѣ стремленіе къ истинѣ, которое получаетъ характеръ идеи черезъ то, что оно мыслиится (115). Необходимость для ума человѣческаго идеи истины свидѣтельствуетъ, что обычное пониманіе этой идеи—въ смыслѣ согласія знанія съ бытіемъ—не простая случайность, не предразсудокъ, а коренное убѣжденіе человѣческаго разума. Говорятъ, необходимый признакъ истины—не согласіе съ бытіемъ, а согласіе съ субъективными условіями познанія, но, вѣдь, „самъ субъектъ“, съ присущими ему условіями и требованіями познанія, есть часть бытія, и притомъ важнѣйшая, которая „заключаетъ въ себѣ все, что есть наиболѣе существеннаго въ бытіи вещей, а потому согласіе съ условіями познанія“, изъ коихъ главное есть требованіе строгой систематической связи въ изслѣдованіи и построеніи добыгихъ изслѣдованіемъ знаній, „должно прини-

мать въ качествѣ признака и ручательства въ томъ, что со-
гласіе съ бытіемъ также достигнуто” (44—95). И по Канту,
настоящей критерій достовѣрности заключается въ принуди-
тельномъ мышленіи: „мышленіе ручается за дѣйствительность
необходимо мыслимаго” (148). Съ этой точки зрењія логиче-
ская необходимость то же, что необходимость объективная,
ибо „логическая необходимость характеризуется тѣмъ, что
заключаеть въ себѣ признаніе реальности понятія, мыслимаго
такимъ образомъ, т. е. какъ необходимое” (163). Конечно,
и „мышленіе не свободно отъ ошибокъ, и въ такомъ слу-
чаѣ“ оно, „разумѣется, не совпадаетъ съ мыслимыми содер-
жаніемъ, но когда такимъ содержаніемъ служитъ то, что ст.
необходимостью мыслится, какъ такое, а не иное, то мы-
шленіе съ такимъ содержаніемъ совпадаетъ съ бытіемъ, т. е.
содержать въ себѣ необходимое признаніе реальности мысли-
маго” (163—164).

Если мышленіе, такимъ образомъ, есть дѣятельность
цѣлесообразная, имѣющая своею конечною цѣлью постиженіе
истины, то законы мышленія, въ отличіе отъ психологиче-
скихъ законовъ ассоціаціи, должны имѣть нормативный харак-
теръ: это—такіе законы, которые, будучи „приведены въ
ясность сознанія, получаютъ характеръ правильъ“, имѣющихъ
для нашего мышленія руководственное значеніе (52 - 53).

Съ этой точки зрењія подучаются особое освѣщеніе всѣ
стороны познавательного процесса.

Если эмпирізмъ отожествляетъ сужденіе съ предложе-
ніемъ, то раціонализмъ настаиваетъ на ихъ коренномъ раз-
личіи: въ суждении мы, какъ еще разъясняетъ Аристотель,
выражаемъ бытіе или небытіе (есть, не есть,—утвержденіе,
отрицаніе), тогда какъ въ формѣ предложенія мы выражаемъ
также желанія и чувствованія (44). Если эмпирізмъ въ сущ-
ности отрицає понятіе, поставляя на его мѣсто общее для
многихъ сходныхъ предметовъ название, то раціонализмъ
видитъ въ понятіи важнѣйшую логическую форму, выражаю-

щую единство (=согласіе, совпаденіе) мышленія съ бытіемъ или—такъ какъ такое единство достичимо лишь по отношенію къ бытію существенному, а не феномenalному—выражающую самое существо предмета (46—47). Если эмпиризмъ основнымъ методомъ признаетъ индукцію, то раціонализмъ, считая послѣднимъ основаніемъ знанія апріорныя начала нашего разума (напр., законъ причинности), значеніе основного метода усвояетъ уже не индукцію, а дедукцію. Въ связи съ этимъ измѣняется взглядъ и на характеръ самой индукціи: сущность индукціи, по раціоналистическому пониманію,—не въ увѣренности, что впредь продолжится привычный порядокъ вещей, а въ томъ, что она опирается на такихъ понятіяхъ (субстанціональности и причинности), которые выражаютъ собою не простые павыки, а необходимые законы мышленія. „Потому только и возможно (предъ чѣмъ недовѣрять Д. С. Мизль), что иногда бываетъ достаточно одного факта (вместо повторенія многихъ одинаковыхъ случаевъ, безъ чего привычка не можетъ образоваться) для получения общаго заключенія“ (51).

Въ частности, соотвѣтственно тремъ типамъ мышленія—*математическому*, особенность корораго—умственное созерцаніе, *опытному*, особенность котораго—чувственное восприятіе и созерцаніе, *философскому*, имѣющему характеръ отвлеченнаго, иначе рефлективнаго мышленія, слѣдуетъ признать три главныхъ метода: а) дедуктивный, по преимуществу синтетической, какъ восходящій отъ простого къ сложному, б) индуктивный, по преимуществу аналитической, какъ движущійся отъ сложнаго къ простому, и в) методъ аналитико-синтетической, или методъ понятій, раздѣляемыхъ и вмѣстѣ соединяемыхъ, по возможности, въ одну систему: „система есть необходимая форма, въ которой складаются и объединяются результаты, добываемые путемъ аналитико-синтетического изслѣдованія въ видѣ определений и выводовъ“ (51—52). Вмѣстѣ съ тѣмъ, „строгая систематическая связь въ изслѣ-

дований и построений добытыхъ изслѣдованіемъ знаній—важнѣйшій критерій достовѣрности, ибо, при систематической связи, отдельные положенія, взаимно поддерживаясь и подкрепляясь одно другимъ, чрезъ то усиливаютъ присущую каждому въ отдельности убѣдительность“. Наоборотъ, „безпорядочность, отсутствіе всякой систематической связи—признакъ сновидѣй, иллюзій, галлюцинацій“ (95).

Специальную область приложения аналитико-синтетического метода представляетъ философія, которая, по раціонализму, имѣть своею задачею не простую систематизацію главнѣйшихъ выводовъ специальныхъ наукъ (тогда бы она по существу, равно какъ и по методу не отличалась отъ этихъ послѣднихъ), а раскрытие самаго существа вещей въ системѣ понятій (56—57, ср. 81, 190—191), и если гдѣ необходима систематическая форма изслѣдованія и изложенія, такъ это именно въ философіи: „систематическое раскрытие всѣхъ послѣдствій и отношений, связанныхъ съ извѣстнымъ принципиальнымъ положеніемъ философіи, даетъ возможность вполнѣ оцѣнить его важность, усмотрѣть его преимущества и недостатки“ (96).

Изъ всѣхъ понятій, съ которыми имѣть дѣло философія, самое глаꙑниое—понятіе бытія, вслѣдствіе чего самымъ главнымъ философскимъ вопросомъ слѣдуетъ признать вопросъ о сущности бытія, а самой главной философской дисциплиной—метафизику, какъ имѣющу дѣло съ ятими именно вопросомъ. Что касается вопроса о сущности познанія, то онъ сводится къ опредѣленію цѣнности познанія: „выражаетъ ли оно собою вѣчно, или ничего не выражаетъ“, другими словами: въ какомъ отношеніи оно находится къ бытію, а такъ какъ этого отношенія невозможно опредѣлить, не имѣя въ виду бытія, то, очевидно, вопросъ о сущности познанія не можетъ быть решенъ независимо отъ изслѣдованія вопроса о сущности бытія: „вопросъ о сущности вещей и вопросъ о познаніи взаимно предполагаютъ другъ

друга“, а потому гносеология не можетъ существовать, какъ самостоятельная наука: она имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ метафизикой, какъ наукой о сущности бытія. Кто отрицаєтъ познаваемость вещи въ себѣ, а слѣд. и метафизику, тотъ долженъ, оставаясь вѣриимъ себѣ самому, отрицать и познаніе, а слѣд. гносеологію: познаніе есть познаніе, а не простое психическое переживаніе, постольку, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ бытію познаваемому; „съ устраненіемъ этого отношенія уничтожается и само познаніе“, а слѣд. теряетъ смыслъ и гносеология, какъ наука о познанії (см. стр. 37—39).

Если теперь сравниТЬ принципы рационалистической философіи съ принципами философіи эмпиристической, то окажется, что они исключаютъ другъ друга, а потому о какомъ-либо синтезѣ этихъ двухъ направлений не можетъ быть и рѣчи (181): можно ли говорить о синтезѣ рационализма съ эмпиризмомъ, когда эмпиризмъ отрицаєтъ какъ разъ то, чemu рационализмъ усвояетъ высшую цѣнность въ области бытія и знанія, именно—разумъ и философію?! Да, съ точки зрѣнія рационализма, эмпиризмъ отрицаєтъ философію, ибо убиваетъ жизненный первъ философствованія—стремленіе познать существенное въ бытіи. Правда, эмпиризмъ пытается на мѣсто старой, метафизической, философіи поставить новую—такъ называемую научную или позитивную, но мы уже видѣли, что съ точки зрѣнія П. Ив—ча такая философія лишена значенія: она имѣетъ лишь видъ философіи, это—не подлинная или—что тоже—поддельная философія (см. стр. 190).

Относясь къ эмпирической *философіи* съ рѣшительнымъ отрицаніемъ, рационализмъ отнюдь не отрицаєтъ эмпирической *науки*, поскольку она ограничиваетъ свою задачу изслѣдованиемъ фактовъ, или феномenalной стороны бытія. „Философія, по словамъ П. Ив—ча, должна принимать все цѣнное въ эмпиризмѣ“, однако самое право оценки принад-

лежитъ въ концѣ концовъ мышленію: обобщенія юнгиевской науки пріемлемы постольку, поскольку ими „не отрицаются самое существенное въ раціонализмѣ: это существенное есть разумъ съ его априорными началами“ (140). Въ настоящее время, напримѣръ, въ біологии господствуетъ идея эволюціонизма, которую эмпіризмъ пытается сдѣлать основнымъ принципомъ философского построенія. Съ точки зрењія раціонализма эта попытка подлежитъ безусловному осужденію, ибо она ведетъ къ отрицанію разума, какъ начала самостоятельнаго: съ эволюціонной точки зрењія разумъ есть продуктъ эволюціи (191). Такое отрицаніе достается, впрочемъ, эмпіризму не дешево: оно покупается цѣлой внутренняго противорѣчія. Въ синонѣмъ дѣлъ, разъ разумъ—начало измѣнчивое, можно ли усвоить устанавливаемымъ имъ законамъ, въ частности, закону эволюціи, черты всеобщности и неизмѣнности? Конечно, нѣтъ, но вѣдь въ такомъ случаѣ законъ эволюції теряетъ значеніе закона, ибо законъ, по самому понятію о немъ, выражаетъ постоянное и неизмѣнное отношеніе (69). Въ частности, раціонализмъ не считаетъ своею задачею опѣнку дарвинизма съ точки зрењія его соотвѣтствия съ фактами: это — дѣло натуралистовъ, но поскольку дарвинизмъ переступаетъ границы строго фактическаго изслѣдованія, онъ подлежитъ раціональной оценкѣ, которая опирается на разсмотрѣніе логического отношенія между принципами даннаго ученія и выводами изъ нихъ. Съ этой стороны „главный недостатокъ теоріи Дарвина“ состоить въ томъ, что въ ней „обращается вниманіе лишь на вѣнчанія условія существованія организмовъ,—предполагается, что инстинкты образовались подъ влияніемъ вышнихъ условій“, тогда какъ „безъ внутренняго побужденія къ самосохраненію были бы невозможны никакіе инстинкты и самая борьба за существованіе“ (63), и сколько бы ни накаплялось фактовъ, подтверждающихъ то или другое частное положеніе въ теоріи Дарвина, они не въ силахъ устраниТЬ отмѣченного не-

достатка, потому что онъ касается ея логической структуры, а не фактической основы. Равнымъ образомъ, если бы удалось изобрѣсти способъ изъ мертвыхъ матеріаловъ произвести живое вещество, этимъ, съ точки зреїння раціонализма, вопросъ о происхожденїи жизни отнюдь не решался бы: такое открытие обозначало бы, что матерія на самомъ дѣлѣ не мертвъ, а обладаетъ жизнью, только скрытою, т. е. въ данномъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою не первичное возникновеніе жизни, а лишь переходъ ея изъ одного состоянія въ другое (61).

Если въ современной біологіи основнымъ принципомъ является законъ эволюціи, то въ современной соціологіи „господствуетъ мысль о фундаментальномъ значеніи материальныхъ потребностей“, равно какъ объ „устройеніи материальныхъ условій жизни въ духѣ справедливости, равной для всѣхъ“ (191). Поскольку этимъ учениемъ основныя понятія разума признаются произведеніемъ материальныхъ факторовъ, оно непріемлемо для раціонализма, тѣмъ болѣе, что въ ходѣ разсужденій защитниковъ указанного взгляда замѣчается логический кругъ: считая всѣ понятія, въ томъ числѣ и понятие справедливости, измѣнчивымъ продуктомъ известного строя экономической жизни, они въ то же время дѣлаютъ это понятіе критеріемъ при оцѣнкѣ существующаго строя экономической жизни. Спрашивается: что же чому подчинено—понятіе справедливости строю экономической жизни или, наоборотъ, этотъ послѣдній понятію справедливости? (70). Усвояя понятію справедливости нормативное значеніе, экономической матеріализмъ измѣняетъ, по мнѣнію П. И—ча, своимъ собственнымъ основоположеніямъ, подобно тому, какъ эволюціонизмъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе, возводя идею эволюціи въ значеніе мірового закона, всеобщаго и неизмѣннаго. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ предпосыпкахъ экономической матеріализмъ пріемлемъ и для раціонализма: „несомнѣнно, что для осуществленія великихъ духовныхъ цѣлей необходимо прежде всего благоустройство

матеріальної сторони жизни, что при убожествѣ и пищетѣ не можетъ подвигаться впередъ и преуспѣвать и духовное развитіе” (191).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для уясненія отношенія раціонализма къ выводамъ эмпирической науки: не отрицая ютихъ выводовъ, раціонализмъ лишь отводитъ имъ соотвѣтствующее мѣсто въ системѣ познанія, руководясь тою оцѣнкою, какую даетъ имъ мышленіе, которому, какъ мы видѣли, принадлежитъ право окончательной оцѣнки въ области знанія и бытія. Въ данномъ отношеніи раціонализмъ шире эмпиризма, потому что онъ принимаетъ все цѣнное въ эмпиризмѣ, тогда какъ послѣдній относится къ принципамъ раціонализма съ безусловнымъ отрицаніемъ. А такъ какъ раціонализмъ, въ сущности, лишь уясняетъ понятія, заложенные въ душѣ человѣка (81), то онъ долженъ быть близокъ душѣ человѣка, и онъ, по убѣждѣнію П. Ив—ча, будетъ близокъ ей, если только она не перенесетъ центра своего вниманія изнутри ко вѣрѣ. Уясняя понятія, заложенные въ душѣ человѣка, философія—разумѣется, раціоналистическая, потому что только она и можетъ быть названа подлинной философіей—тѣмъ самымъ способствуетъ самосознанію человѣка (41—42), а такъ какъ, въ свою очередь, самосознаніе служитъ основою для самообладанія, въ которомъ главнымъ образомъ проявляется могущество духа, то—и самообладанію. Если Бэконъ основою человѣческаго могущества считалъ эмпирическое знаніе, то Петръ Ивановичъ то же самое значеніе придавалъ мышленію: и по нему, *scientia est potentia*, но прежде всего и главнымъ образомъ—философское знаніе, которое приобрѣтается путемъ размысленія. Отданный самъ работѣ мышленія, Петръ Ив—чъ старался возбуждать эту работу и въ другихъ, прежде всего въ своихъ ученикахъ. Съ этою цѣллю онъ давалъ имъ для семестровыхъ сочиненій темы такого характера, которыхъ требовали для своей разработки не столько кропотливаго собиранія матеріала, сколько размысленія надъ

даннымъ вопросомъ, и если встрѣчалъ въ сочиненіи проблески самостоятельного мышленія, то очень радовался это-му; слабость же логического мышленія въ его глазахъ не уравновѣшивалась ни трудолюбiemъ, обнаруженнымъ въ со-бираніи матеріала, ни блескомъ изложенія. Время отъ вре-мени покойный учитель обращался къ ученикамъ съ призы-вомъ, и этотъ призывъ неизмѣнно былъ призывомъ къ мышленію. Мы хорошо помнимъ тѣ слова, съ которыми обратился Петръ Ивановичъ на послѣдней лекціи къ студентамъ XLV курса (21-го апрѣля 1890-го года). „Вотъ я,—говорилъ профессоръ,—составилъ вамъ конспектъ по ло-гикѣ и метафизикѣ. Здѣсь поставлены самые общіе вопросы. Матеріала для отвѣта на нихъ у васъ достаточно: вы изу-чали психологію, исторію философіи, логику и метафизику. Самаго поверхностнаго вниманія къ предлагавшимся вамъ членіямъ по логикѣ и метафизикѣ достаточно, чтобы про-будилась ваша собственная мысль. Это-то и важно. Разъ мысль пробудилась—не давайте ей засыпать. На основа-ніи того матеріала, который имѣется въ вашемъ распоря-женіи, постарайтесь составить *свой* отвѣтъ на тотъ или другой вопросъ программы, *своё мнѣніе* по данному во-просу. Съ этими отвѣтами и приходите на экзаменъ. Пусть ваши отвѣты будутъ ошибочны или недостаточны,—это не бѣда: ошибки можно исправить, пробѣлы пополнить, лишь бы только мысль не переставала работать... Значеніе философскаго образованія въ томъ и состоитъ, что оно пробуждаетъ мысль. Философія, особенно метафизика, не даетъ безспорныхъ вы-водовъ, но за то она держитъ мысль въ постоянномъ воз-бужденіи, и притомъ — на извѣстной высотѣ,—она застав-ляетъ человѣка быть *мыслящимъ* человѣкомъ. Это такой человѣкъ, который не живетъ чужими мнѣніями, потому ли, что они стары, потому ли, что они новы; онъ — врагъ ру-тины, равно какъ и моды; онъ трудится надъ выработкой собственныхъ убѣжденій, выработавши которыи дорожить

ими, какъ самыи цѣнныи своимъ достояніемъ... Мысляцій человѣкъ скажется и въ практической дѣятельности: это человѣкъ, который дѣйствуетъ не по влечению обстоятельствъ, не по общепринятымъ обычаямъ, а па основаніи собственныхъ убѣжденій, выработанныхъ мышленіемъ. Онъ мало думаетъ о пользѣ, да чтобы умѣть изъ каждого положенія извлекать пользу—для этого не нужно много и упорно работать мыслью: для этого достаточно расчетливости, хитрости, ножалуй безцеремонности... Мысляцій человѣкъ больше всего заботится о томъ, чтобы его жизнь соотвѣтствовала его убѣжденіямъ, и ради этого соотвѣтствія онъ жертвуетъ своею пользою... Онъ сумѣеть вести разумную жизнь вездѣ, въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ обстоятельствами: онъ господствуетъ надъ обстоятельствами, а не обстоятельства надъ нимъ... Вотъ въ чемъ главное значеніе философскаго образованія. Не пренебрегайте же философскимъ образованіемъ! продолжайте его и по выходѣ изъ школы. Желаю вамъ успѣха!... Такъ говорилъ Петръ Ив—чъ, и въ этихъ простыхъ словахъ онъ сказался весь, съ головы до ногъ: онъ самъ былъ мыслящимъ человѣкомъ, который руководился въ своихъ дѣйствіяхъ собственными убѣжденіями, и такъ какъ эти убѣжденія далеко не всегда совпадали съ убѣжденіями окружающаго общества, въ частности, съ убѣжденіями учениковъ и товарищей (вспомнимъ, что Петръ Ивановичъ по складу своего ума, какъ сказано, былъ однодумъ), то па этой почвѣ могли возникать—и дѣйствительно возникали—разногласія между Петр. Ив—чемъ и его современниками, но они по большей части носили академической характеръ, не переходя (можетъ быть, за однимъ—двумя исключеніями) въ житейскую борьбу. До какой оригинальности, граничащей съ эксцентричностью, доходили иногда возврѣнія Петра Ивановича по вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ философіи, объ этомъ можно судить по представленному имъ зимою прошлаго года на разсмотрѣніе ака-

демического Совета проекта реформы академического образования, которымъ (проектомъ) предлагается сконцентрировать академическое преподаваніе около одной центральной науки, разъясняющей сущность и условія христіанской жизни, при чёмъ, по проекту, преподаваніе этой науки можетъ быть поручено лицу, проинѣшему въ самый духъ христіанской жизни,—значить, богатому опытомъ христіанской жизни и обла- дающему глубокимъ и сильнымъ мышленіемъ: лучше,—вы- сказывался Пётръ Ив—чъ,—ославить эту (центральную-то!) науку совсѣмъ безъ преподаванія, пежели поручать ея пре- подаваніе лицу, не совмѣщающему въ себѣ всѣхъ условій, необходимыхъ для такого преподаванія... Не любилъ Пётръ Ив—чъ и того виѣшняго облика, который налагался на со- временного профессора виѣшними условіями его дѣятельно- сти, да и трудно было представить, чтобы человѣкъ, для ко- тораго кристальная ключевая вода была лучшимъ напиткомъ, и лѣсная земляника лучшимъ лакомствомъ, чтобы этотъ человѣкъ цѣнилъ шумиху громкихъ титуловъ и несное разно- образіе орденовъ. И хотя все-таки онъ изрѣдка надѣвалъ станиславскую звѣзду, однако его всегдашиимъ желаніемъ было, чтобы для профессора не было званія выше званія профессора, и чтобы его плечи не облекались чиновничимъ мундиромъ. Пётръ Ив—чъ высоко цѣнилъ культуру, но опъ строго различая между дѣйствительными культурными цѣн- ностями и—иной разъ, можетъ быть, и блестящею—мишурою современной жизни...

Будучи прежде всего и главнымъ образомъ философомъ, не только въ науکѣ, но и въ жизни, Пётръ Ив—чъ однако не былъ одностороннимъ человѣкомъ: не только философія,—религія, искусство, особенно поэзія и музыка, были близки его, если можно такъ выразиться, многогранной душѣ. Бывало, въ Ахтыркѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, встанетъ П. Ив—чъ въ 4 часа утра и идетъ въ монастырь къ угренї, и неутомимо склоняется подрядъ вѣсколько часовъ, восхищаясь благотѣніемъ мона-

стырского богослужения. Не только воспоминание объ этихъ часахъ,—и любовь къ посвѣщению богослуженія П. Ив. сохранилъ до могилы, хотя церковно-богослужебные обряды и не были для него тѣмъ, чѣмъ они являются для вѣрующаго „угольника“; онъ и въ храмѣ—оставался философомъ: храмовая обстановка создавала *настроение*¹ близости къ Абсолютному Духу, *размытие* о которомъ было существеннымъ моментомъ его философствованія. Евхаристія была для него актомъ тѣснѣйшаго единенія духа человѣческаго съ Духомъ Абсолютнымъ; но тонкости догматическихъ споровъ о сущности и значеніи „*transsubstantiatio*“ представлялись ему малозначительными, равно какъ не придавалъ онъ большого значенія опыту соглашенія библейского сказанія о міротвореніи съ выводами современного естествознанія. Библія не есть „источникъ, изъ котораго должно заимствовать основанія для решенія научныхъ вопросовъ“ ¹); она дорога для вѣрующаго тѣмъ, что содержитъ въ себѣ: истины вѣры, т. е. такія истины, которые, заключая въ себѣ ученіе о Богѣ, въ то же время имѣютъ ближайшее отношеніе къ спасенію души человѣческой. „Эти два признака—отношеніе къ Богу и спасительность для человѣка—и составляютъ необходимый критерій, существующій служить къ разграничению обязательныхъ истинъ вѣры отъ простыхъ міфиій, которые могутъ быть принимаемы, но могутъ быть и непризнаваемы, въ зависимости не только отъ того, согласны ли они или несогласны съ ученіемъ вѣры, но также и смотря по тому, оправдываются ли они или не оправдываются данными наукой въ современному ея состоянії“ ²). Такъ, въ библейскомъ сказаніи о міротвореніи важна проникающая его идея творческаго отношенія Бога къ миру, а не подробности міротворе-

¹) П. Лищицкій. Есть ли какая-либо связь между религіозной вѣрой и наукой. Харьковъ, 1898. Стр. 7.

²) Тамъ же, стр. 11—12; ср. Пособіе къ изученію вопросовъ философіи (Харьковъ, 1892), стр. 69.

иј, которые, правда, могутъ давать пищу для любознательности, но не имѣютъ прямого отношенія къ спасенію души человѣческой. Пользоваться же религіознымъ ученіемъ, какъ „средствомъ къ удовлетворенію любознательности“, далеко не безопасно: въ такомъ случаѣ оно становится „источникомъ разнообразныхъ миѳій, существующихъ замѣнить собою научное познаніе“, и если „впослѣдствіи научное изслѣдованіе приводить къ положеніямъ, которыми не только не подтверждаются, напротивъ опровергаются миѳія, выведенныя изъ религіознаго ученія и на основаніи его построенные частію для полноты системы, но главныи образомъ для удовлетворенія любознательности“, тогда неминуемо проходитъ „неизбѣжное по своимъ послѣдствіямъ столкновеніе между привычными представленіями“. по причинѣ своей связи съ религіознымъ ученіемъ усилившими „пріобрѣсти авторитетъ, равный съ авторитетомъ догматическаго церковнаго ученія, и новыми положеніями науки“,—столкновеніе, „которое называется борьбою науки съ религіею“¹⁾). Во избѣжаніи этой борьбы съ ея печальными послѣдствіями нужно строго разграничивать „догматическая истина, признаваемая Церковью непредложими, и безусловно важная“, отъ тѣхъ „религіозныхъ миѳій, которые, несмотря на авторитетъ давности, не могутъ имѣть обязательнаго значенія для всякаго вѣрующаго и въ которыхъ сущность вѣры не заключается“²⁾). Критерій для отношенія первого рода истинъ отъ вторыхъ уже указанъ: это ближайшее отношеніе первыхъ къ спасенію человѣка. Твердая вѣра въ бытіе Абсолютнаго духа и въ бессмертіе человѣческой души, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и философскимъ убѣждениемъ Петра Ив—ча, побуждала его часто браться за перо для выясненія вопроса объ отношеніи вѣры къ знанію и для раскрытия умозрительныхъ

¹⁾ Есть ли какая-либо связь..., стр. 7—8.

²⁾ Тамъ же, стр. 8

основъ христіанского богословія. Воцрость объ отношеніи знанія, высшимъ выраженіемъ котораго служить философія, къ вѣрѣ, истины которой составляютъ содергаше положительного богословія, решался Петромъ Ив-ченко, аналогично съ решеніемъ вопроса объ отношеніи философіи къ естествознанію: и тамъ, и здѣсь выводы положительной науки, будь то богословіе, основывающееся на данныхъ Откровенія, или естествознаніе, опирающеся на данныя вицѣнія опыта, пріемлемы постолъку, поскольку ими не отрицаются основные понятія разума, служащія раскрытиемъ априорныхъ началъ, короче: поскольку ими не отрицаются самыи разумъ. Это методологическое положеніе не страшно для христіанского богослова, потому что содержаніе христіанской вѣры находится въ гармоніи съ априорными началами разума. Показать эту гармонію—задача христіанской апологетики. Философъ и богословъ, работая каждый въ своей области, тѣмъ не менѣе подходятъ къ выполнению этой задачи, если только не искрестуютъ законныхъ границъ своего изслѣдованія: оставаясь въ предѣлахъ философскаго изслѣдованія, философъ раскрываетъ формальныя опредѣленія идеи безусловного, въ то время какъ богословъ даетъ содержаніе для заполненія этихъ опредѣленій. Такимъ путемъ достигается единство вѣры и знанія: вѣра ищетъ въ построенияхъ разума формальную основу для своего содержания, а разумъ обращается къ вѣрѣ, стремясь къ восполнению своихъ, по необходимости лишь формальныхъ, понятій о Богѣ. Дѣло въ томъ, что рациональное „понятіе о Богѣ, какъ и всѣ иные понятія, образуемыя разумомъ, также есть только формальное. Чтобы понятіе это могло сдѣлаться выраженіемъ и, такъ сказать, образомъ реальнаго существа, для этого необходимо откровеніе такового существа, обнаруженіе его дѣятельности и свойствъ, что и дѣйствительно намъ дано частію естественнымъ образомъ въ природѣ, а въ особенности сверхъестественнымъ образомъ въ исторіи; откровеніе

есть, такимъ образомъ необходимое восполнение несовершенства формальныхъ понятий разума о Богѣ и вмѣстѣ условіе къ ихъ усовершенію¹⁾).

Вѣрный раціоналистическому принципу своей философіи, П. Ив. въ своихъ сужденіяхъ, относящихся къ философіи религії, выступалъ рѣшительнымъ противникомъ новѣйшихъ попытокъ построить богословскую систему эмпирическимъ методомъ (на основѣ психологического и исторического опыта); въ частности, онъ не признавалъ значенія за мистицизмъ, какъ такимъ ученіемъ, которое, считая раціональныя опредѣленія несоответствующими идеѣ безусловнаго, допускаетъ „лишь одно непосредственное отношение къ безусловному человѣческой души, состоящее во внутреннемъ чувствѣ обиженія и, такъ сказать, сліянія съ пимъ, достигаемаго чрезъ отреченіе отъ себя“²⁾). Отрицательное отношение покойного профессора къ эмпирическому методу въ богословіи, въ связи съ раціоналистическимъ характеромъ основоположеній его собственной богословско-философской системы, давало поводъ упрекать эту систему въ сухости, безжизненности, формализмѣ,—однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ недостаткахъ, какіе давнымъ-давно направляются по адресу средневѣковой схоластики. Однако эти упреки нельзя признать сдѣлаными. Да, П. Ив. давалъ въ своей системѣ главнымъ образомъ формальная опредѣленія безусловнаго, но онъ, вѣдь, и не обѣщалъ большаго, отсылая за содержаніемъ для заполненія формальныхъ опредѣленій къ откровенію. Значитъ,—кажутъ,—они формальныхъ опредѣленій безусловнаго, данныхъ П—ромъ Ив.—чемъ, мало для составленія полнаго понятія о безусловномъ? Конечно, мало, и на это указывалъ самъ же покойный философъ. Вопросъ, значитъ,—при критикѣ богословско-философской системы П—ра Ив.—ча,—не

¹⁾ Пособіе къ изуч. вопр. филос., стр. 70—71.

²⁾ Осп. вопр. филос., стр. 177.

въ томъ, достаточно ли даваемыхъ ею определений для составления полнаго понятія о безусловномъ, а въ томъ, насколько правильны эти определенія. Если правильны, то они составляютъ необходимый элементъ полнаго понятія о Богѣ. Скелетъ самъ по себѣ не составляетъ организма, однако и безъ скелета не можетъ быть совершенного организма. Цѣните значеніе плоти и крови въ живомъ организмѣ, но не обезспѣчивайте и значенія скелета: врачи, имѣющіе своею задачею поддержаніе жизни въ организмѣ, внимательно изучаютъ скелетъ... Къ сказанному стѣдуетъ прибавить, что статьямъ П—ра Ив—ча по философіи религії, посвященнымъ главнымъ образомъ уясненію формальныхъ определений безусловного, пе чужды ни широта и свѣжесть мысли (хотя бы въ вопросѣ объ отношеніи между религіей и наукой), ни оригиналность и смѣлость сужденій (напр., въ вопросѣ о загробной жизни), а по мѣстамъ, въ особенности тамъ, где идетъ рѣчь о значеніи мышленія въ области религії, хотя и тихое, но глубокое одушевленіе: „тѣ, которые хотѣли бы вовсе исключить изъ области вѣры всякое умозрѣніе,—читаемъ у П. Ив—ча,—очевидно требуютъ, въ сущности, того, чтобы вовсе не мыслить о предметахъ вѣры, но такимъ образомъ предметы эти прямо могутъ сдѣлаться чуждыми для нашей мысли. И, наоборотъ, чрезъ постоянное размыщеніе о таковыхъ предметахъ они становятся близкими нашей души, пріобрѣтаютъ власть надъ самыми сокровенными движениями души и отсюда вліяніе ихъ распространяется на всю жизнь.“¹⁾). Когда читаешь эти строки, въ воспоминаніи невольно встаетъ образъ покойного профессора, душѣ котораго действительно было близко Абсолютный Духъ, потому что былъ для нея предметомъ постоянного размышленія. Несомнѣнно, приведенные строки — страничка изъ внутреннихъ переживаній покойного учителя... Во всякомъ случаѣ, чтобы правильно судить о позиції, занятой имъ въ философіи религії, надо брать его

¹⁾ Пособіе къ изуч. вопр. филос., стр. 61.

точку зреінія во всей полнотѣ ея приложеній, и тогда передъ нами встанетъ образъ мыслителя, для котораго размышеніе о предметахъ вѣры было не занимательнымъ умствованіемъ, а коренно потребностью духа и существеннымъ элементомъ внутренней жизни...

Съ отроческихъ лѣтъ П. Ив—чъ увлекался художественной литературой. Живой интересъ къ ней сохранился въ немъ до конца жизни. Результатомъ размышеній надъ произведеніями русскихъ писателей служить цѣлая книга: „Изящная литература и философія“. Но особеною любовью П—ра Ив—ча въ области искусства была музыка, которую онъ считалъ искусствомъ *жат' єзюхъ*, чистымъ искусствомъ, потому что она создаетъ опредѣленное настроеніе не содержаніемъ, пьесы, а формою сочетанія звуковъ въ мелодіи или гармоніи. Самою совершенною формой музыкального творчества П. Ив. считалъ симфонію, а самыи величіи композиторомъ Бетховена, который—сказать кстати—очень привлекалъ П—ра Ив—ча и независимостью своего личаго характера. Самъ П. Ив. не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но съ удовольствіемъ посѣщалъ симфонические концерты и по цѣлымъ часамъ заслушивался Бетховенскими пьесами въ исполненіи членовъ своей семьи (рояль, скрипка, віолончель). Къ оперной музыкѣ П. Ив—чъ относился вѣ- сколько пренебрежительно, видя въ ней лишь средство ком- понуляризаціи музыки, а комуляризаціи искусства, какъ и популяризаціи философій, онъ боялся, опасаясь, какъ бы популяризація не повела къ оношленію, къ угожденію вкусамъ толпы. Къ программной музыкѣ, где „главнымъ достоинствомъ считается не музыкальная красота, а выразительность, характерность“ (Мусоргскій, напр., въ музыкѣ пытается изображать даже безчинство пьяныхъ людей), П. Ив—чъ, относился отрицательно, потому что видѣть въ ней переступленіе тѣхъ естественныхъ границъ, въ которыхъ музыка, оставаясь музыкой, можетъ достигать наибольшаго совер-

шества. И. Ив. раздѣлялъ мысль Шеллинга о границахъ, раздѣляющихъ разныя искусства, а потому былъ рѣшительнымъ противникомъ въторженія одного искусства въ область другого, что такъ часто наблюдается въ произведеніяхъ по-вѣшаго искусства: если Мусоргскій хочетъ въ музыку живописать, то Нестеровъ стремится своими картинами создать душевное настроеніе, выраженіе котораго по средствамъ лишь музыки¹⁾... Хотя И. Ив. и высказывалъ убѣжденіе, что истинный художникъ долженъ быть одушевленъ общенароднымъ пониманіемъ жизни, но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы требовать отъ композитора лишь гармонизаціи примитивныхъ мелодій народной пѣсни. Когда однажды, пишущій эти строки, прослушавъ какое-то тріо Бетховена, выразилъ желаніе прослушать „Вдоль по улицѣ мостовой“, какъ вѣрь болѣе понятную и сильнѣе действующую на душу, И. Ив. съ огорченіемъ сказалъ, что предпочитать примитивныя мелодіи народныхъ пѣсень твореніямъ Бетховена—это все равно, что мудрость народныхъ пословицъ ставить выше философіи Шеллинга или Гегеля, и если—тѣмъ не менѣе—П. И. требовалъ отъ художника согласія съ общенароднымъ пониманіемъ жизни, то не въ смыслѣ обязательности для него случайныхъ и временныхъ настроеній, а въ смыслѣ соотвѣтствія лишь духу народному... Вмѣстѣ съ тѣмъ И. Ив. могъ бы повторять ту мысль, что истинный философъ долженъ быть любителемъ музыки, потому что чистое мышленіе и чистое искусство,—думаль опъ,—близки другъ другу, по своему формальному и—вмѣстѣ съ тѣмъ—безкорыстному характеру.

Мышленіе и музыка—это двѣ сферы, которыхъ были особенно близки духу Петра Ив—ча. Вдѣсь быть онъ у себя дома. За то область практической жизни съ ея неизбѣжными

¹⁾ См. статью П. Ив—ча „Объ искусствѣ“ (Труды Киев. Дух. Акад., 1905, IX).

и подчасъ досадными мелочами не совпадала съ кругомъ его живыхъ интересовъ, хотя, конечно, и ему приходилось чувствовать на себѣ силу этихъ мелочей. Тѣмъ не менѣе онъ мало зналъ практическую сторону жизни. Онъ почти никогда не выѣзжалъ изъ Киева, а въ Киевѣ ограничивался поддержкой общенія съ небольшимъ кругомъ лицъ. О томъ, что дѣлается за стѣнами аудиторіи и ученаго кабинета, П. Ив. судилъ глазнымъ образомъ по газетнымъ извѣстіямъ, и такъ какъ собственнаго опыта за этии стѣнами не было, то его сужденія о различныхъ сторонахъ практической жизни нерѣдко отличались по меньшей мѣрѣ рискованностью; таковы, напр., его сужденія о характерѣ и группировкѣ современныхъ политическихъ партій въ Россіи, высказанныя въ рефератѣ „о началахъ общественной жизни“, прочитанномъ въ „Церковно-историческомъ и археологическомъ Обществѣ“ при Киевск. Дух. Академіи за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Вступая въ сферу практической жизни, П. Ив. вмѣстѣ съ тѣмъ логическое проведеніе своихъ принциповъ осложнялось соображеніями, вытекавшими изъ психологическихъ мотивовъ, среди которыхъ главное мѣсто занимали, переплетаясь другъ съ другомъ, опасеніе за сохраненіе культурныхъ цѣнностей и въ общемъ пессимистической взглядъ на человѣчество. Считая культурныя цѣнности созданіемъ избранныхъ индивидуальностей (въ этомъ отношеніи онъ готовъ былъ соглашаться съ Ницше, съ которымъ въ другихъ отношеніяхъ расходился), онъ опасался, какъ бы эти цѣнности не были обезображены и даже погублены въ рукахъ толпы, которая не въ состояніи подняться до пониманія великаго значенія философіи Гегеля, трагедіи Шекспира, симфоній Бетховена. П. Ив. очень боялся нарожденія того типа, который уже носѣтъ смерти покойного профессора показалъ Л. Андреевъ въ лицѣ своего Саввы: „А тебѣ человѣка жалко? Останется, не бойся. Ему мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ наконецъ лѣтали гора. Теперь же умные хотятъ

строить на этой горѣ,— но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія— до голой земли... Уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство“... Въ другомъ мѣстѣ: „Огонь, дядя, учитель хороший. Ты слыхалъ о Рафаэль?... Ну такъ вотъ. Послѣ Бога, мы примемся за нихъ. Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспирь, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хороший костерчикъ и польемъ его керосиномъ“... Кто знаетъ Рафаэля и Шекспира, затѣхъ то не страшно: едва-ли они рѣшатся полить творенія геніевъ керосиномъ, но что толпа можетъ въ порывѣ разрушения изорвать картины Рафаэля, какъ сжечь творенія Шекспира,— вотъ чего боялся П. Ив., и потому онъ былъ рѣшительно противъ устроенія государства па демократическихъ началахъ. Въ частности, онъ былъ противникомъ парламентаризма, который рѣшаетъ вопросъ объ устроеніи жизни экономической, общественной и политической *механически*, путемъ подсчета голосовъ, отдавая власти въ руки большинства, но развѣ,— спрашивалъ П. И., истина всегда была на сторонѣ большинства?!... Отсюда, впрочемъ, нельзя заключать, будто П. Ив. примирительно относился къ существующимъ порядкамъ у насть, на Руси. Нѣтъ, его критическій умъ гораздо чаще останавливался на недостаткахъ, нежели достоинствахъ въ дѣятельности учрежденій и лицъ. Вспомнить только его рефератъ о „положеніи и нуждахъ нашего духовнаго образованія“. Мы лично хорошо помнимъ его сѣтованія по поводу того, что управление духовно-учебными заведеніями сосредоточено въ рукахъ чисто бюрократического учрежденія (Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ), которое меныше всего склонно считаться со взглядами, напр., академическихъ профессоровъ по вопросамъ духовнаго просвѣщенія. Профессора даже не бывають осведомлены со стороны Уч. Комитета о предпринимаемыхъ имъ мѣрахъ въ указанной области... И за три—четыре дня до смерти, когда Петру Ив.—чу не легко уже было говорить, онъ выражалъ свои сѣтованія по поводу состава предсоборной комиссіи...

Самъ П. Ив. склоненъ былъ объяснять ненормальности въ постановкѣ у настъ учебно-воспитательного дѣла и даже въ устроеніи общественной жизни недостаткомъ серьезнаго философскаго образованія, а потому онъ всячески стремился къ тому, чтобы съ своей стороны посодѣствовать распространенію въ нашемъ обществѣ философскаго образованія. Съ этою цѣлію онъ печаталъ свои статьи, издавалъ философскіе курсы, читалъ рефераты въ различныхъ обществахъ (Церковно-историческомъ и археологическомъ, Педагогическомъ), мечталъ обѣ изданий журнала, въ которомъ бы давалось философское освѣщеніе различнымъ явленіямъ современной жизни—научной, художественной, общественной... Въ самые послѣдніе годы (со времени русско-японской войны) П. Ив. оставилъ эти мечты, потому что съ этого времени стали выцѣливать на поверхность русской жизни такія явленія (революціонныя движенія), съ которыми, по убѣждѣнію П. Ив-ча, необходимо было бороться, но уже не философскими методами...

Будучи по складу своего ума, какъ уже сказано, однодумомъ, П. Ив. однако же чуждался общенія съ людьми и охотно шелъ на встрѣчу сближенію съ ними на почвѣ общихъ культурныхъ интересовъ. Друзей у него не было, но онъ съ самой живой радостью и съ внимательною предупредительностью гостепріимнаго хозяина встрѣчалъ у себя своихъ добрыхъ знакомыхъ, главнымъ образомъ изъ числа своихъ бывшихъ учениковъ, равно какъ охотно появлялся и у нихъ въ тѣсномъ кружкѣ общихъ знакомыхъ. Въ этихъ собранияхъ время проходило за обсужденіемъ какого-либо реферата, за музыкой, за оживленной бесѣдой по какому-либо научному или общественному вопросу. Здѣсь П. Ив-чъ оживлялся, и его рѣчь искрилась иногда добродушнымъ юморомъ. Рѣчь шла, помнится, о потребности въ новомъ періодическомъ изданіи (любимая мечта П. Ив-ча). Собесѣдники размечтались, и въ своемъ увлеченіи стали уже подыскивать

Труда Киевск. дух. Акад. Т. II. 1906 г.

название для будущаго журнала. Одинъ изъ собесѣдниковъ сталъ горячо развивать ту мысль, что журналъ долженъ послужити мостомъ между церковными элементами общества и безцерковной интелигентіей. Кто-то подхватилъ слово мостъ и предложилъ (копечно, шутя) назвать журналъ „мостомъ“. „Нѣтъ,—замѣтилъ П. Ив.,—будемъ скромнѣе: назовемъ его *перекладиной*“... Въ сношеніяхъ съ тѣми людьми, съ которыми у покойного не было личнаго знакомства, онъ былъ сдержанъ, но неизмѣнно вѣжливъ. Въ выраженіи своихъ сужденій—будь то въ офиціальныхъ или частныхъ обращеніяхъ—быть прямъ, даже рѣзокъ, хотя рѣзкость никогда не переходила въ грубость: онъ былъ слишкомъ культуренъ для того, чтобы быть грубымъ. Конечно, было бы неправдой сказать о немъ, что онъ „льва куряницаго не угадалъ“, и мы этой неправды не скажемъ. Онъ, напр., прямо, а порою и рѣзко, высказывался о студенческихъ сочиненіяхъ или поступкахъ, и если послѣднѣе не считалъ соответствующими достоинству студента и Академіи, не затруднялся передъ предложеніемъ рѣшительной мѣры—уволить студента изъ Академіи. Человѣкъ мысли, онъ былъ противъ того, чтобы рѣшающій голосъ, который, по его убѣженію, долженъ принадлежать мышленію (припомнимъ, что мышление, по Петру Ив—чу, дѣятельность оцѣнивающая), передавать чувству,—онъ былъ противникомъ сентиментализма въ литературѣ и жизни, и если сентиментализмъ склоненъ воздвигать въ значеніе добродѣтели „такъ называемое благодушіе“, то П. Ив. считалъ его „качествомъ болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ (недѣланіе никому зла), означающимъ собою болѣе слабость воли, чѣмъ дѣйствительную любовь къ добру: любовь снисходительна и терпѣлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настойчива; упорствуетъ въ дѣланіи добра, не взирая ни на какія препятствія къ тому“¹⁾). За то какъ разо-

¹⁾ Оси. вопр. филос., стр. 106.

вался П. Ив., если онъ замѣчалъ въ студентѣ проблемки научнаго интереса, особенно въ области философії!

Характеристика некойнаго профессора была бы неполна, если бы мы въ заключеніе не отмѣтили его любви къ дѣтамъ. Онъ готовъ былъ съ ними гулять, играть, разговаривать по цѣлымъ часамъ. Для него самого было удовольствіемъ обрадовать дѣтей, не только своихъ, рождественскимъ или имениннымъ подаркомъ, который онъ не затруднялся самъ привести и преподнести какому-либо мальчишку. И мальчиши любили „своего“ профессора. Такъ радость профессора-философа объединялась въ одномъ потокѣ съ наивною радостью малыхъ дѣтей...

Жизнь Петра Ив—ча не была свободна отъ разнаго рода огорченій, но онъ умѣлъ переносить эти огорченія съ замѣчательнымъ самообладаніемъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ лучшія качества стоическаго мудреца, смягченныя христіанскимъ міросозерданіемъ. Но въ послѣдніе годы жизни, со времени злонулочной русско-японской войны, настроеніе П—ра Ив—ча замѣтно измѣнилось, и порою, казалось, онъ терялъ душевное равновѣсіе. Почти до самаго окончанія войны онъ былъ убѣжденъ въ ея благополучномъ исходѣ, и его раздражали сужденія противоположнаго характера, высказывавшіяся многими изъ его постоянныхъ собесѣдниковъ. Тѣмъ тяжелѣе было ему пережить несчастный исходъ войны. Тутъ сказалось, какъ были близки его душѣ радость и горе родины... А послѣ войны революціонныя движения росли и росли, забастовки рабочихъ и учащихся стали обычнымъ явленіемъ, проникли и въ духовную Академію. Все это глубоко огорчало П—ра Ив—ча, который,—теперь это было очевидно,—обладалъ впечатлительной душой. Въ оцѣнкѣ совершающихся событий онъ стать расходиться съ тѣми, съ кѣмъ раньше готовъ былъ ити рука обь руку, и чѣмъ отрицательнѣе становилось его отношеніе къ конкретнымъ

проявленізмъ освободительного движенія, тѣмъ примирительнѣе относился онъ къ „старому порядку“... Въ январѣ текущаго года у него произошло столкновеніе со студентами изъ-за того, что онъ рѣзко отозвался о студенческой забастовкѣ. Маститому профессору пришлось пережить много огорченій. Онъ сдѣлался мозгаливѣ и замкнутѣ; въ его рѣчи чувствовалось иногда раздраженіе, п умное, выразительное лицо рѣже озарялось добродушной улыбкой. Родная страна переживала кризисъ, и онъ, ея вѣрный и преданный сынъ, несъ на себѣ хотя и неизбѣжныя, но все-таки тяжкія болѣзни переходнаго времени. И не легко ему было нести ихъ, потому что онъ мрачно смотрѣлъ впередъ... Тѣмъ временемъ забирала силу надъ вообще крѣпкимъ организмомъ давняя болѣзнь, о существованіи которой покойный и не подозрѣвалъ (ракъ печени); до самой смерти онъ думалъ, что у него застарѣлая малярия, и мечталъ, оправившись,ѣхать въ деревню на отдыхъ... Вскорѣ послѣ Пасхи П. Пв. слегъ и не вставалъ до самой кончины. Силы постепенно слабѣли, но больной почти до конца сохранялъ ясное сознаніе и живой интерес къ событиямъ академической, церковной и политической жизни... До послѣдняго дня онъ жилъ интересами того дѣла, которому отдалъ всю свою жизнь, и умеръ на своемъ посту, оставивъ памъ завѣтъ непрерывной работы мысли и непоколебимой преданности своимъ убѣжденіямъ.

Тѣло покойнаго въ самый день кончины было перепесено Преосвященнымъ Платономъ, Ректоромъ Академіи, въ Св.-Духовскую церковь Братскаго монастыря. По пути гробъ былъ внесенъ въ библіотечную залу академического корпуса, где была совершена краткая литія, передъ которой Преосв. Платонъ, обратясь къ гробу учителя, сказалъ нѣсколько сердечныхъ словъ, посвященныхъ его памяти. 14-го июня,

послѣ заупокойной литургії, Преосвященнѣмъ же Платономъ, въ сослуженіи бывшихъ и настоящихъ учениковъ покойнаго профессора, совершено было отпѣваніе. На литургії, во время причащенія священнослужителей, студентъ И. Тріодинъ произнесъ слово, а передъ отпѣваніемъ и во время отпѣванія говорили рѣчи ученики покойнаго: проф. Д. И. Богданцевскій, студенты К. Пономаренко, Н. Колесовъ, Е. Пановъ и, наконецъ, передъ послѣднимъ цѣлованіемъ, пишущій эти строки... Гробъ покойнаго учителя преданъ землѣ на кладбище Флоровскаго монастыря, на горѣ, надъ обрывомъ, откуда открывается чудный видъ на Подолъ. Въ центрѣ картины находится Братскій монастырь съ Академіей, служенію которой была посвящена жизнь почившаго.

П. Кудрявцевъ.

Слово

предъ погребенiemъ проф. П. И. Линицкаго.

*Гдѣ ти, смерти, жало; гдѣ
ти, аде, побѣда (1 Кор. 15, 55).*

Глубочайший источникъ утѣшения заключается въ этихъ словахъ, которыми апостолъ заканчиваетъ свою пламенную, вдохновенную рѣчь о воскресеніи мертвыхъ. Точно смиренный созерцатель борьбы двухъ великихъ стихій или силь, онъ, видя рѣшительную побѣду жизни надъ смертью, радостно восклицаетъ: „гдѣ ти, смерти, жало; гдѣ ти, аде, побѣда“! И это побѣдное восклицаніе проносилось по теченье вѣковъ и тысячелѣтій предъ сознаніемъ человѣчества, умиротворяло всѣхъ живыхъ, плачавшихъ у дорогихъ могилъ, и витаетъ, слушатели, предъ нами теперь—изъ скорбный мигъ разлуки съ дорогимъ напитъ наставникомъ.

Велика и тяжела наша скорбь, потому что велика утрата. Закатилась одна изъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ, сияніе которой восхищало не только насть, наполнившихъ этотъ храмъ науки, а простиравшись далеко и за его стѣны. Нѣть больше высокопросвѣщенаго учителя, твердою и мудрою рукою вводившаго настъ въ царство мысли и высокихъ идей. Каждый человѣкъ по природѣ философъ, потому что почти всякий спрашиваетъ: „О, разрѣшите мнѣ жизни загадку!...

Зачѣмъ живу, зачѣмъ страдаю?" Каждый хочетъ знать свое мѣсто въ необъятномъ мірозданіи, а также начало и цѣль всего окружающаго его бытія. Философія и берется удовлетворить этимъ неумолкаемымъ запросамъ духа человѣческаго. И мы все жаждали философскаго просвѣщенія и мы не хотѣли быть слѣпыми въ мірѣ. Мы все стояли предъ тѣмъ святынищемъ, въ которомъ собирались величайшіе мыслители и геніи—гордость человѣчества—отъ Конфуція, Чифагора, Сократа и до нашихъ дней. Безбрежное множество доктринъ и философскихъ ученій послано было изъ этого святынища въ поученіе человѣчества. Но труделъ быть путь того, кто хотѣть бы быть надежного руководителя отыскать такого мыслителя, который ближе другихъ сонстъ къ истинѣ—занѣтному краю желаній всѣхъ нась, товарищи! Всякій могъ сбиться и спрашиватъ: „гдѣ же въ самомъ дѣлѣ истина, если такъ много разныхъ философскихъ построеній, можетъ ли быть она достояніемъ человѣка и не есть-ли сама она—иллюзія, а жажда ея—ненормальный порывъ бѣдного и несчастнаго нашего существа? Почившій наставникъ нашъ и былъ напимъ руководителемъ, спасавшимъ насть отъ безнадежнаго скептицизма, вѣщающимъ намъ истину, вдохновлявшимъ насть любовью къ ней. Потому и тоскуемъ мы вѣнѣ, что лишились дорогого наставника. Встревоженное сердце спрашивается: почему нѣтъ того, кто такъ часто говорилъ о бытіи, почему не говорить съ нами, не слышитъ насть, не принимаетъ участія въ нашей жизни тотъ, кто такъ настойчиво говорилъ „о назначеніи высокомъ человѣка“ и о бессмертії?

Сыпимъ же уснокоеіе! „Гдѣ ты, смерте, жало; гдѣ ты, аде, побѣда?“ Для вѣрующаго нѣтъ смерти. „Пожерта бытъ смерть побѣдою!“ „Подъ крестомъ моя могила, на крестѣ моя любовь“, говоритъ вмѣстѣ съ поэтомъ христіанинъ и не вѣритъ въ смерть. Крестъ разбилъ власть смерти и кто съ крестомъ, тотъ виѣ ядовитаго дыханія смерти!

Вѣрюющая душа въ смерти угадываетъ лишь законъ переселенія съ земли на небо и воскресеніе. Усопшій живеть съ нами, хотя онъ и невидимъ. Пусть тѣло его скроется отъ нашихъ взоровъ въ могилу; у насъ его мысли, его слова и желанія, все его духовное существо. Пусть онъ удалился на небо; ничто не въ силахъ разлучить насъ съ тѣмъ, кого мы любимъ. Любящее сердце то же, что вселенная: ни одна планета, ни одно облако, ни одна быдлинка, ни одинъ солнечный лучъ не уѣхжитъ за предѣлы вселенной, такъ и любящее сердце объемлетъ всегда свой объекѣтъ. „Свѣтъ мудрости неугасимъ“—изрекъ еще древній мыслитель. Жива и вѣчна мудрость, которой онъ служилъ,—живъ ею и онъ. Онъ покинулъ землю, по стяжалъ небо; онъ разлучился съ нами, по пришелъ ко отцу міра. Онъ получилъ ту „обновку“, которую желали всегда труженики во славу Божію и на пользу ближнимъ отъ Апостола Павла до Гладстона, до нашихъ дней. „Вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамъ, храмину нерукотворену, вѣчу на небесахъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше пебесное облещися желающе (2 кор. 5, 1—2)“—говорить апостолъ. „Я жду, не дождусь отъ Бога обновки“—говорить предъ смертью и мудрый англійскій труженикъ...

И не видимъ-ли мы какъ изъ года въ годъ, съ первымъ дыханіемъ весны Благой Отецъ Неба и Земли даетъ жизнь и благоуханіе фіалкамъ и розамъ, завядшимъ, какъ казалось, безслѣдно, павѣки?!,..

Итакъ, смерть не расторгаетъ связей нашихъ съ близкими нашими, не уничтожаетъ и возможности отношений къ нимъ. Они для насъ живы, они лишь въ отлучкѣ. И какъ обѣ отлучившихся мы вспоминаемъ, такъ и обѣ усопшихъ должны помнить. Это обязанность, налагаемая на насъ любовью къ нимъ. Любовь къ отлучившимся заставляетъ насъ исповѣдывать слова ихъ и наставленія, слѣдовать ихъ завѣтамъ, подражать ихъ примѣру. Перепесемъ эти отношения и

на усопшихъ. Въ лицѣ дорогого нашего учителя сходить въ могилу одинъ изъ представителей стараго времени. Что дастъ намъ будущее? Оно всегда—сфинксъ и всегда лукаво... А онъ бытъ человѣкомъ чести, твердыхъ правилъ, спокойнаго постоянства и истиншаго мужества. Слово его было всегда честно и цѣломудрено. Оно не лъстило пороку, не облекало въ красивые наряды лжи, не проводило въ сознаніе слушателей звенище легкомысліе, не раздражало чувственности. Будемъ же подражань его твердости, честности и прямотѣ, съ какими онъ осуждалъ все „неразумное“ и „недолжное“. Въ наслѣдіе намъ оставилъ онъ образъ свой и пусть ятотъ образъ сіяеть всегда въ глубинѣ нашего духа. Пусть онъ стоитъ тамъ, гдѣ слагаются наши рѣшенія—пружины дѣятельности, гдѣ клокочутъ наши желанія. Онъ будетъ облагораживать и тѣ и другія!... А когда горечь разлуки съ милыми намъ людьми уязвитъ наше сердце, когда на плечи наши ляжетъ тяжелое бремя и какая-либо невзгода, тогда онъ будетъ ободрять насъ.

Любовь и уваженіе провожаютъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ въ могилу, а доброе слово о нихъ облетаетъ села и города. Какъ будутъ провожать настъ и что будутъ о настъ говорить, если Господь приведетъ кого дожигъ до мас-титой старости?... Съ довѣріемъ и прилежаніемъ пчелы соберемъ воедино всѣ многочисленныя добродѣтели и почтенные качества характера усопшаго и станемъ подражать имъ.

Теперь онъ предстанеть предъ Небеснымъ Отцомъ. Будемъ молиться, да приметъ его Огнецъ ласково и милостиво, да проститъ Онъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрешенія и ошибки жизни, да дастъ Онъ душѣ его миръ и радость неизглаголанную. Молитва о немъ соединить настъ какъ бы золотой цѣпью, и ничто: ни смерть, ни время, ни сутолка и обыденная суета—ничто не расторгнетъ во вѣки этой несокрушимой цѣпи. Аминь.

Студентъ III курса *Іванъ Тріодинъ*.